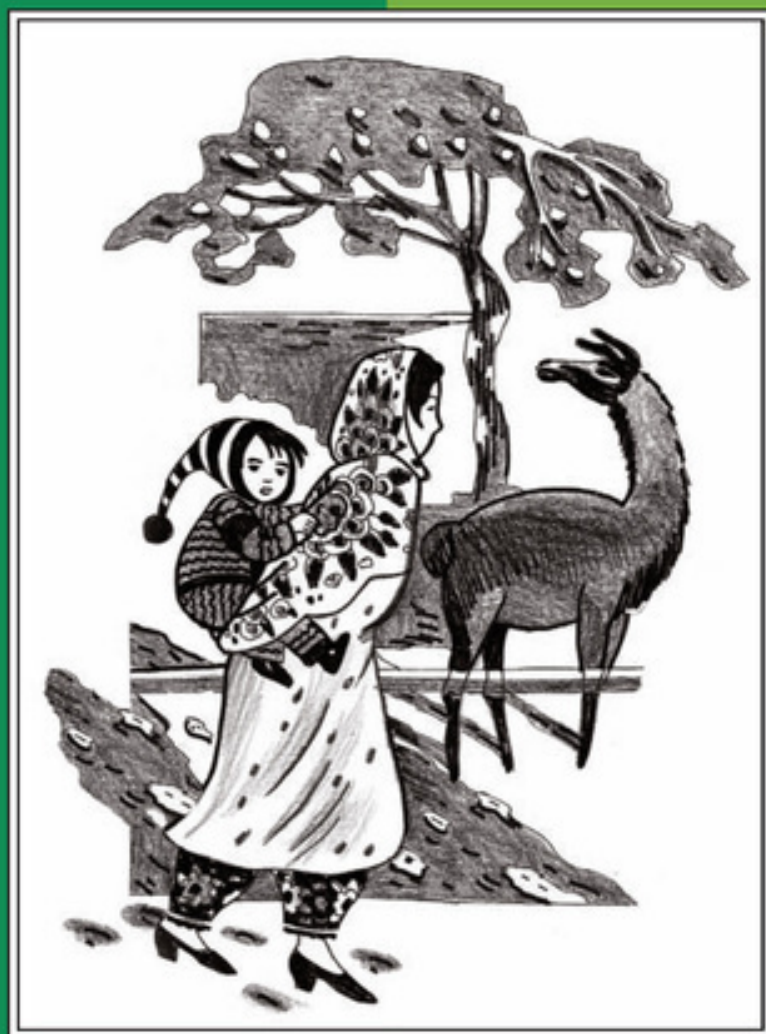

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
НАУКА И ЖИЗНЬ

Сергей Бакатов

*Поговори
со мной...*

ЗАПИСКИ ВЕТЕРИНАРА

Сергей Бакатов

**Поговори со мной...
Записки ветеринара**

«Наука и жизнь»

2012

Бакатов С.

Поговори со мной... Записки ветеринара / С. Бакатов — «Наука и жизнь», 2012

Книгу, которую вы держите в руках, вполне можно отнести ко многим жанрам. Это и мемуары, причем достаточно редкая их разновидность – с окраины советской страны 70-х годов XX столетия, из столицы Таджикской ССР. С другой стороны, это пронзительные и изящные рассказы о животных – обитателях душанбинского зоопарка, их нравах и судьбах. С третьей – раздумья русского интеллигента, полные трепетного отношения к окружающему нас миру. И наконец – это просто очень интересное и увлекательное чтение, от которого не смогут оторваться ни взрослые, ни дети. В основу записок ветеринарного врача Сергея Бакатова «Поговори со мной» легли очерки, опубликованные в 2006—2011 годах в журнале «Наука и жизнь».

Содержание

От автора	5
Жур и Журка	8
Охота на вампира	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Бакатов

Поговори со мной... Записки ветеринара

От автора

*«Направление деятельности зоопарка — разведение животных редких и исчезающих видов с целью сохранения этих видов...»
(Из положения о государственных зоологических парках)*

Родился я в Москве. Дом наш, с классическим московским двориком, располагался на углу Садовой улицы и Колхозной площади. Этого дома давно уже нет.

На лето меня отправляли в Севастополь, к другой бабушке. Кстати – тот же классический дворик пятидесятых годов, на пять семей, и еще общежитие. В этом-то дворе все и началось.

Жили мы на втором этаже, на который вела деревянная лестница. Под этой лестницей остался маленький домик-закуток, в котором по вечерам собирались все дворовые дети «травить страшные баланды». Именно в этом домике я впервые обнаружил в себе дар (а это именно дар) ветеринара.

В те давние времена численность кошек регулировала соседка – очень злая тетя Паша. Почему-то именно у нее кошка всегда воровала рыбу, а бывало, что и кур, прямо из-под носа. Наверное, тетя Паша с удовольствием утопила бы кошку, но она понимала: не будет кошки – придут крысы. Кошку не любила только тетя Паша, а вот крыс не любили все. Когда тетя Паша расправлялась с котятами, мы не видели, но однажды нам удалось-таки выследить место их захоронения.

Место нашли быстро, да и раскопали быстро. Не знаю, зачем мы это делали... Котята не подавали никаких признаков жизни. Но мне очень захотелось одного дымчатого котенка оживить и поселить в том самом маленьком домике под лестницей, куда никогда не заходили взрослые.

Я очистил ему рот от земли и несколько раз туда легонько дунул. И маленькое тельце дрогнуло, шевельнулось...

Потом, несколько лет спустя, этот дымчатый комочек стал легендой улицы. Но это – другая история. А я почти пятнадцать лет спустя стал ветеринаром.

Между обычным и ветеринарным врачом имеется одно весьма существенное различие. Пациент может довольно внятно и подробно описать, что его беспокоит. А вот ветеринару приходится, что называется, читать по глазам.

Привычка читать по глазам неизбежно влечет за собой расширение внимания. Расширение внимания, в свою очередь, приводит к пониманию и постепенно подводит к той грани, за которой заканчивается твое собственное сознание и начинается окружающий мир. В конце концов, граница тебя самого и окружающего мира незаметно стирается, и ты вдруг начинаешь ощущать себя продолжением всего сущего...

С. Ю. Бакатов

Жур и Журка

В дверь зоопарковской ветлечебницы, где я сидел за столом и писал, кто-то настойчиво постучал.

– Да-да! – ответил я, продолжая заполнять амбулаторный журнал.

Никто не ответил. За дверью было тихо, и я снова погрузился в свои мысли.

Рабочий день начался очень рано и не очень весело. Рано – потому, что я любил приходить на рассвете, когда еще в зоопарке из служителей почти никого нет. А не весело – потому что во время утреннего обхода на дальнем пруду зоопарка, где обитала парочка журавлей-красавок и с десятков разных уток, обнаружили тушку журавля с перегрызенным горлом. Это была Журка – именно так звали пострадавшую журавлиху. Пруд, на котором это произошло, был небольшой и совсем неглубокий. Журавли с видимым удовольствием его периодически бороздили вдоль и поперек, аппетитно при этом чавкая клювами по воде. На мелководье водилось много мелких рыбешек и головастиков.

Набив полный клюв, журавли задумчиво поднимали головы и стряхивали улов в пищу-вод. По берегу пруда рос высокий и местами довольно густой тростник, где журавли могли спокойно прятаться от посторонних глаз. Иногда смотришь – вроде на пруду никого нет. А приглядишься – журавль! Настоящий. Красивый.

Журавли любят уединение. И здесь, в этих маленьких тростниковых джунглях небольшого пруда, им было очень комфортно.

Журку обнаружила птичница – апа Нюра, так звали эту маленькую, немолодую, но очень проворную женщину. На работу она обычно приходила, пожалуй, раньше всех. По крайней мере, когда приходил на работу я, она уже была в трудах (и к этому времени она обычно уже обладала всей информацией обо всем произошедшем в зоопарке за минувшую ночь).

Всегда, еще издали заметив ее красные шаровары с полосатым рисунком, немного напоминающим северное сияние, и цветастое платье, поверх которого был накинут халат, я улыбался ей. Ее наряд дополняли черные резиновые калоши, надетые на босу ногу и обязательно поверх головы большой платок, повязанный чисто по-таджикски: туго почти над бро-

вями и спадающий бахромой до поясницы. Платья и платки у таджичек – предмет особой гордости, так как они часто их сами для себя вышивают.

К костюму Ньюры иногда еще добавлялся фартук, а в руках ведро и совок с веником. Но при этом заметим, что бы у нее ни было в руках, несла-то она всегда именно платок на голове. То, что при этом было в руках, оставалось как-то за кадром и второстепенным. Апа Ньюра почти не говорила по-русски.

– А-а-а, Сиродж! Инджабье! Хозир! (Иди сюда! Быстрее!) – окликнула меня взволнованная апа Ньюра.

Практически с первого дня работы в зоопарке все таджики меня окрестили Сироджидином. Апа Ньюра любила сокращенный вариант – Сиродж. Мне очень нравилось, как она меня называет.

– Ассалом алейкум, апа Ньюра! Чи хели? (Здравствуйте, как дела?) – сложив руки ладошками у груди, поздоровался я с птичницей.

– А-а-а, савсем плахой осталса! – причитала апа Ньюра, показывая рукой в сторону дальнего пруда.

– Что случилось?

– На дальний хауз Журка мурд аст! (Журка на дальнем пруду умерла.) – Апа Ньюра, прихватив рукав моего халата, почти потащила в сторону дальнего пруда или хауза – так зоопарковские сотрудники называли все водоемы.

А слова *касал*, *мурд*, *хором* и *халол* – это слова, которые я все же очень быстро и хорошо запомнил, так как они не предвещали ничего хорошего. Мурд – это как раз то, что и произошло с Журкой.

Мы быстро добрались до водоема. Ловко открыв замок и что-то продолжая причитать по-таджикски, птичница зашла в вольер. На берегу водоема недалеко от нас стоял журавль-красавка. Кивнув головой в сторону журавля, Ньюра позвала меня жестом руки.

Я подошел к журавлю. Возле него в уютной травяной ямке лежала Журка. К моему большому удивлению, он не проявил никакого беспокойства, связанного с появлением постороннего человека в вольере. Последний раз я был так близко от него, когда эта пара журавлей только прибыла в зоопарк и было необходимо произвести некоторые процедуры, связанные с их дальнейшим содержанием. Кстати, именно тогда апа Ньюра их сразу и назвала – Жур и Журка. С тех пор мне к нему ближе, чем на 10—15 метров, подходить не удавалось. И вот теперь журавль стоял рядом с нами и бессмысленно-растерянным взглядом смотрел по сторонам. Он даже разрешил себя погладить и, казалось, ждал от нас какой-то помощи. Он никак не хотел понимать, почему его подруга не встает. Жур несколько раз сажился и потом сразу вставал. А то просто топтался на месте – то ли от волнения, то ли хотел показать своей подруге: «Смотри, это же так просто – раз и встал! Нам же надо уйти в укрытие, здесь чужой».

Чужой – это я, апа Ньюра у них уже давно была за своего.

Тем временем я приступил к осмотру места происшествия. Горло у Журки явно перегрыз какой-то небольшой зверек, вероятнее всего, когда она еще спала. Нападение произошло так быстро, что она даже не успела подняться на ноги. Вообще журавли могут спать и стоя, еще при этом засунув голову под крыло. И не кувыркнется же при этом! Но в этот раз, наверно, было слишком велико искушение присесть в уютную травяную ямку и, забыв про равновесие, просто сладко поспать. Крови ни на перьях, ни на земле почти не было. Ранка на горле была совсем небольшая. Выходит, все, чем успел полакомиться ночной хищник, – это несколько десятков миллилитров крови, которая была тщательно кругом вылизана. Журу похоже, тоже немножко досталось. Скорее всего, он пытался защитить свою подругу – у него было несколько неглубоких ранок на ногах, которые, впрочем, не вызывали опасения.

Апа Ньюра что-то бормотала журавлю по-таджикски, как бы извиняясь и его жалея. Было очень необычно смотреть на них со стороны. Они были почти одного роста. Продолжая гово-

рять, она нежно гладила своими узловатыми, натруженными пальцами его длинную тонкую шею. А он смотрел на нее одним глазом и периодически кивал головой, как бы принимая слова сочувствия.

Я бережно сгреб Журку под мышку и отправился в лечебницу, оставив женщину и журавля утешать друг друга. Казалось, что они одинаково переживали утрату. А для меня, честно говоря, это был пока просто журавль. Пока...

В лечебнице я произвел полное патанатомическое вскрытие птицы. Независимо от причин гибели наших подопечных – это необходимая процедура. Вскрытие же показало, что все органы и ткани у журавля были без видимых патологических изменений. А это значит, что условия содержания и кормления вполне соответствуют физиологической потребности данного вида. Что, конечно, радовало.

Осмотр раны показал, что, скорее всего, какой-то довольно маленький хищник мастерски вскрыл сонную артерию птицы и что данное нарушение целостности физического тела никак несовместимо с дальнейшей жизнью из-за быстрой и обильной потери крови. Что, конечно, совсем не радовало.

Оставив журавлиху на патанатомическом столике, я пошел заполнять протокол вскрытия и журнал утреннего обхода.

Было раннее утро, и официальный рабочий день еще не начался.

Станный стук в дверь раздался как раз тогда, когда я заканчивал с протоколом вскрытия.

Примерно минут через десять такой же странный, но, как мне показалось, еще более настойчивый стук в дверь повторился. Закрыв и отодвинув журнал в сторону, я нарочито громко сказал:

– Войдите! Дверь открыта!

И опять никто не отозвался и не вошел.

И хотя мне уже стало интересно – кто бы это мог быть, да еще в столь ранний час, все же я остался сидеть за столом, продолжая задумчиво мотать на палец длинную прядь давно не стриженных волос.

Должен сказать, гибель животных в зоопарке – явление хоть и чрезвычайное, но довольно обыденное, как бы это странно ни звучало. Но с другой стороны – совсем неправду говорят, что ко всему привыкаешь. Почти каждый работник каждую смерть в зоопарке воспринимает как личное поражение. К гибели животных, которых каждый день видишь и с которыми связано очень много как веселых, так и грустных воспоминаний, привыкнуть нельзя. И хотя внешне, это, может, и незаметно, но с каждой ушедшей зверушкой уходит и частица тебя самого. Можно выработать к этому определенное отношение, как к неизбежному. Скажем, как к смене времени года.

Когда долго работаешь с животными, к ним не только привыкаешь. К некоторым просто незаметно прикипаешь. Начинается что-то вроде дружбы, а может, и любви. И вовсе не потому, что все они уж прямо хорошие. Среди моих любимцев оказались отъявленнейший негодяй гиббон Рома и престарелый капуцин Сафрон. Но про них как-нибудь потом. От таких питомчиков гораздо чаще бывает масса неприятностей, чем радости. И вдруг в какой-то момент начинаешь понимать, что их любишь больше, чем тихих, ласковых и доброжелательных.

В дверь, однако, опять настойчиво постучали. На этот раз я все же решил посмотреть, кто там такой нерешительный и настойчивый одновременно. Подойдя к двери и слегка ее толкнув, с некоторым недовольством в голосе я еще раз предложил незнакомцу **ВОЙТИ**:

– Да входите же, наконец, дверь открыта!

Дверь медленно открылась, и кабинет наполнился теплым азиатским солнцем, почти сразу проглотившим утреннюю прохладу поздней осени.

А на пороге... На пороге стоял Жур!

Я озадаченно его спросил:

– Это ты, что ли, своим клювом тут в дверь долбишь? – и несколько растерянно добавил: – Ну заходи, раз пришел! – Я кивнул головой внутрь помещения.

Какое-то время журавль стоял, склонив голову набок, пытливо заглядывая внутрь помещения. Потом сделал несколько неуверенных шагов и оказался в кабинете.

Пытаясь сообразить, как журавль умудрился добраться до лечебницы, и совершенно ничего не понимая, я открыл вторую дверь, ведущую в лабораторию. Журавль продолжал медленно и аккуратно вышагивать за мной, внимательно при этом осматривая все по сторонам. Окончательно озадаченный и сбитый с толку, я открыл и третью дверь, ведущую в изолятор и патанатомку.

Вообще-то, журавли не то чтобы уж очень пугливые птицы, но весьма осторожные, и, как правило, когда они на воле, вам вряд ли удастся подойти к ним ближе, чем, скажем, на сотню-другую метров. Но многие животные и птицы, попавшие в зоопарк, довольно быстро привыкают к людям и особенно к обслуживающему персоналу. Но чтобы настолько?!

В третье помещение журавль вошел уже без приглашения. Очень смешно поднимая ноги как можно повыше, он с опаской поглядывал вокруг, будто имел в виду «Как бы у вас тут во что-то не вляпаться!» И вместе с тем его движения были уверенными, будто он знал, куда идет, и не раз уже там бывал. Так, аккуратно переступая и вращая головой на 360 градусов, он подошел к столу, на котором лежала Журка. А точнее, то, что от нее осталось. Подойдя близко к столу и увидев журавлиху, Жур, нервно переступая с ноги на ногу, вопросительно посмотрел на меня. Затем он несколько раз как-то странно кивнул головой, будто пытался поднырнуть под стол, и нежно ей курлыкнул – как будто кто-то тихо хотел о чем-то попросить очень близкого и любимого человека: «Ну-у-у?!»

Журка молчала...

Так повторилось несколько раз.

Потом он замер и, похоже, успокоился, но уходить никуда не собирался.

Недолго думая, я сгреб журавля в охапку и отнес на озеро, с которого он умудрился до нас добраться. Сам же вернулся в лечебницу и занялся какими-то текущими делами. Но не прошло и десяти минут, как в дверь опять постучали. По стуку я понял, что это Жур. Пришлось открыть. Жур, как ни в чем не бывало, опять стоял на пороге и просился внутрь. Пришлось пустить.

На этот раз он настойчиво попросился туда, где видел свою подругу. Подойдя к ней, он остановился и замер на месте.

Опять насильно тащить журавля на дальний водоем, где произошла эта маленькая трагедия, мне больше никак не хотелось, и я решил пока оставить журавля охранять свою бездыханную подругу. Тем более что уходить он никуда не собирался.

Приближалось время пятиминутки. На пятиминутке должны были присутствовать все старшие специалисты, чтобы доложить о дне прошедшем и обсудить «стратегию» действий на день грядущий. Проходила она обычно в кабинете у директора. Вот именно туда я и отправился. А по ходу все пытался сообразить, как это журавль умудрился добраться до лечебницы?! Ведь не собака же, в конце-то концов.

Тут, оставив на какое-то время журавля, по ходу дела следует заметить, что птицы в зоопарках, как правило, не летают. И вовсе не потому, что им этого не хочется – просто так надо. Те, что в клетках – не летают, потому что им некуда летать, а те, что в вольерах, не летают, потому что им не на чем летать. У них ампутирован кончик одного крыла. Даже, я бы сказал, не то чтобы кончик, а часть крыла по локтевой сустав. Почти две трети. По крайней мере, так было в нашем зоопарке, о других ничего не могу сказать. Но птица, подготовленная к содержанию в зоопарке таким варварским методом, представляет собой очень жалкое зрелище, особенно если делает попытку взлететь. Подпрыгнуть ей, конечно, удастся, но, как только она

начинает помогать себе крыльями, сразу кувыркается и падает. Особенно неприятно и больно это наблюдать у лебедей. Лебеди держатся все время парами. И когда пара лебедей на крейсерской скорости рассекает озеро – это удивительнейшее по красоте зрелище. Разворот головы, изящнейший изгиб шеи, грациозно закрученные на огулке перья, мощные, импульсивные движения всего тела, обгоняющего волну, оставшуюся клинышком разбежаться в фарватере, и конечно же синхрон. Обычно «сам» на две-три четверти впереди подруги, а «сама» сзади – миллиметр в миллиметр, секунда в секунду повторяет все его движения. Где-нибудь посередине озера они делают резкую остановку и выходят «в свечу», чтобы размять крылья... А вот дальше – печальное зрелище. Пытаясь взлететь, лебедь неловко кувыркается и падает в воду. Полтора крыла никакого лебедя не украсят.

Иногда кто-то из посетителей над этим незлобно смеется. А мне грустно.

Собственно, взлетать большинство птиц с ампутированными крыльями больше и не пытаются и довольствуются пешими либо водными прогулками. Разве что еще остается просто помахать крыльями, как веером, чтоб размяться или воду стряхнуть.

Вид кувыркающихся птиц с самого начала работы в зоопарке мне совсем не понравился. И когда пришло время самому проводить процедуру купирования части крыла, я был крайне озадачен, ибо все мое существо этому – воспротивилось. Первыми моими пациентами на ампутацию стали утки-королинки. А первыми учителями на практике – ветврач Владимир Георгиевич (в дальнейшем просто Георгич) и ветфельдшер Георгий Васильевич (в дальнейшем просто Василич). И хотя между нами впоследствии и бывали какие-то разногласия по вопросам лечения и содержания животных, тем не менее я им на всю жизнь остался очень благодарен и признателен за тот первый опыт практической ветеринарии, который получил от них в зоопарке.

Так вот, тот самый Василич, желая показать первый класс ветеринарного мастерства, очень быстро и бесцеремонно оттяпал первой же из уток кусок крыла по самый локтевой сустав, и так быстро, что утка даже не успела щелкнуть клювом, а я не успел опомниться. Так же быстро были наложены швы и обработана рана.

– Василич! Как можно? Зачем так много ампутировать? – наконец я смог выговорить что-то членораздельное.

– Можно и нужно! Чтоб не улетели!

За сим утка, брошенная на воду рукой Василича, пару раз кувыркнувшись в воздухе, оказалась на поверхности озера и, сделав несколько неудачных попыток взлететь, скрылась в прибрежных кустах. Дело сделано.

План в моей голове созрел мгновенно.

– Георгий Васильевич, следующую утку позвольте уж сделаю я!

Под недоверчивым взглядом фельдшера я аккуратно удалил утке третий пальчик сначала на одном крыле, потом на другом. Экстерьер утки при этом никак не пострадал.

Скептически покачивая головой, Василич недовольно повторял:

– Юрич! (У русскоязычной половины зоопарка я значился как Юрич.) Она же улетит! Как пить дать – улетит!

– Вот это мы сейчас и проверим! – С легким замиранием сердца я бросил утку в сторону водоема. Платить за утку, если она вдруг действительно улетит, мне, конечно, никак не хотелось. Но одной уткой можно было рискнуть, несмотря даже на то, что цена ее составляла ровно половину моей месячной зарплаты.

Утка полетела.

– ?!

Но как-то неуклюже и совсем не далеко. Точнее сказать, она собиралась полететь, но это у нее получилось довольно неловко. Так и не поняв, что же произошло с крыльями, утка, хлопая лапками по воде, пробежалась до середины озера и, помогая себе крыльями, попыталась взлететь еще раз. У нее это получилось. Но без рулевых перьев ни набрать высоты, ни

совершить маневр не удалось. Она резко притормозила и, чуть было не воткнувшись в кусты на противоположном берегу, совершила аварийную посадку. Какое-то время мы продолжали наблюдать за уткой. Она еще несколько раз попыталась разогнаться вдоль озера. Но больше взлететь ей не удалось. Скоро утке это, похоже, надоело совсем, и она успокоилась.

Я решил продолжить эксперимент. Остальным уткам мы сделали точно такую же операцию.

– Юрич! Рано или поздно все равно улетят, – продолжал волноваться Василич, когда мы уже возвращались в лечебницу.

– Василич! Мы уткам ампутировали рулевые перья. Что это значит? А это значит, что взлетать они в принципе могут, а рулить нет. Стало быть, не улетят. Внешний вид уток при этом совсем не пострадал! Мы же должны их предоставить посетителям в полной красе! Ну и в случае чего – отвечать-то все равно буду я!

– Юрич! Но нам-то с Георгием тоже шею намылят за твои эксперименты!

– Василич! А разве мы собираемся об этом кому-то докладывать? А если улетят – тогда уже будет совсем другая история!

– Сергей Юрьевич, конечно, об этом уж лучше пока помолчать, но ты это...

Василич на этом месте взял паузу и довольно долго ее подержал в надежде, что я о чем-то могу смекнуть и прийти к нему навстречу. Я уже примерно догадывался, о чем пойдет речь, но навстречу не торопился.

– Ну... – тут Василич добавил в голосе серьезности, – это надо, короче, обмыть бы твой эксперимент – ну... чтоб не улетели – сам понимаешь!

В этом месте я понял, что слегка приперт к стенке и сопротивление не то чтобы бесполезно, но просто не имеет смысла.

– Так мы сейчас на дезинфекцию-то и добавим расходных материалов!

К этому времени я уже исполнял обязанности старшего ветврача, и, следовательно, вся аптека была под моим контролем, в том числе, естественно, и спирт. Не скажу, чтоб мы его часто использовали не по прямому назначению, но бывало.

Так, «обмыв уток» и став тайными сообщниками, мы на том и разошлись.

И хотя мне потом пару раз таки снились кошмары, как в сезон все утки улетают в дальнюю, загадочную Лапландию за своими перелетными собратьями, тем не менее, в конце концов, результат оказался довольно неожиданным. Предвидеть все последствия, конечно, было невозможно, хотя о многом можно было бы догадаться и заранее. В общем, получилось следующее.

Сначала мед.

Во-первых, все водоплавающие птицы получили возможность немножко и очень невысоко пролететь над водоемом. Но только после предварительного, хорошего разбега, что само по себе уже достаточно зрелищно. Во-вторых, птицы теперь могли гордо демонстрировать всю свою красоту, собственно, ради чего они и оказались в этом месте. Но главное! Это касалось особенно длинноногих – аистов и журавлей (не говоря уже о всяких там мелких выпях, колпицах и цаплях): они получили возможность проводить нормальное спаривание, так как этот процесс у них происходит чуть ли не в полете. Во время этого радостного события они очень активно помогают себе крыльями удерживать равновесие!

Теперь деготь.

Некоторые утки получили возможность перебираться с одного озера на другое, а иногда, к восторгу посетителей и громадному недовольству главной птичницы, привольно разгуливать по аллеям зоопарка. Мало того, некоторые водоплавающие – особенно утки-огари – теперь предпочли устраивать гнезда не на водоемах, а где-нибудь в кустах неподалеку, например в яблоневом саду. И уже через год, весной, рано поутру, можно было частенько наблюдать огаринные семейства, разгуливающие по аллеям зоопарка. Но не все. Огарей вскоре развелось

столько, что мы даже не всем им успевали купировать крылья, в результате чего они периодически улетали довольно надолго и в неизвестном направлении. Но птенцов выводить прилетали непременно обратно в зоопарк.

А однажды – это уже через пару лет после такой ампутации – двух черных лебедей обнаружили в соседнем парке на Комсомольском озере.

О нововведении, конечно, кому надо, догадались еще задолго до этого. И теперь главная птичница Галина Николаевна по этому поводу поязвила сполна:

– Ну что, доктор! Думаешь, умнее других? Надо было выполнять инструкции, присланные московским зоопарком, там, наверное, люди не глупее тебя сидят. Вот заплатишь мне за двух лебедей и экспериментировать сразу перестанешь! Нас, опытных работников, которые по 20 лет в хозяйствах отработали, учить будешь. Тебя надо в колхоз на пару лет отправить, чтобы там как следует поработал и опыта набрался. Студент!

За лебедей мне платить никак не хотелось. Но угроза нависла реальная.

Но вопрос вдруг решился неожиданно просто и быстро. Пока директор придумывал наказание для «молодого специалиста», а сам специалист ломал голову, как изловить лебедей, они спокойно вернулись к вечерней кормежке и больше со своего озера почти не отлучались. Дело в том, что вся территория местообитания любых живых существ поделена на сферы влияния. Каждое из них, вплоть до насекомых, имеет свою территорию, очень ее любит, постоянно контролирует, непременно метит и конечно же охраняет. И при том, как это ни странно прозвучит, уважает чужую собственность и старается не нарушать границы. По крайней мере, чтобы не получить тумачков невзначай. Так и наши лебеди, наверное, решили, что в гостях хорошо, а дома лучше.

С наказанием решили повременить – птицы-то на месте. Пронесло.

В общем, по этому поводу хочу только заметить, если у меня в этом деле появятся последователи, – будьте готовы видеть своих птиц во всей красе, но иногда – и на соседних водоемах.

Так вот, как раз нашим-то журавлям я и делал короткое купирование. Так что в принципе перелезть через забор, помогая себе почти целыми крыльями, Жур, конечно, смог бы. Но как он нашел лечебницу, а тем более, что его навело на мысль стучать клювом в дверь – для меня навсегда осталось загадкой.

Однако я иду на пятиминутку.

Не пойму, почему утренние летучки называют пятиминутками? Все равно они у всех длятся не меньше часа. Лучше бы их так сразу и назвали – «часотками». Да и по смыслу больше подходит.

Так и в этот раз – примерно за час все новости были «перечесаны», работы намечены, стратегия определена и т. д. В том числе было принято решение о переводе журавля на остров центрального озера, откуда выбраться можно только вплавь, а журавли, как известно, пловцы никудышные.

В лечебнице почти на пороге меня встретила наша санитарка Вера Васильевна – полная, добродушная женщина средних лет, довольно меланхоличная, но страшная матерщинница (правда, материлась она всегда по-доброму и совсем не сердито). Вытаращив на меня глаза, что она всегда делала для пущей убедительности, Вера Васильевна сказала, как выстрелила:

– Юрич! Это что у тебя там за пассажир? Он мне не дает убрать со стола и щелкает клювом! Ты что, его к себе в заместители привел? Мне и вас – четверых начальников – хватит (на самом деле у нас был еще один доктор – Клим Галиевич, но настолько тихий и спокойный и к тому же так редко появлялся на работе, что я вообще не уверен, что нам придется здесь с ним еще встретиться).

Конечно, дословно нашу санитарку «тетя-Веру» (как ее все звали) я цитировать просто не берусь. Повторить слово в слово это невозможно, ну а главное там конечно же не слова, а интонация и междометия.

Я рассказал Вере Васильевне всю историю журавля, и она сразу прониклась к Журе сочувствием.

Журавль между тем стоял на прежнем месте и не проявлял особого интереса к окружающему.

– Журчик! Однако нам велено жить дальше! – Я попытался привлечь его внимание, но он на мои слова никак не отозвался.

Тогда, недолго думая, завернув журавлиху в холщовый мешок и прихватив лопату, я направился к выходу.

Вообще, павших животных положено утилизировать по всем ветеринарным правилам, в яме Беккари (это такой длинный, глубокий, бетонный колодец), но в данной ситуации я решил действовать в обход правил, так как у меня насчет журавля созрел план.

Журавль, внимательно проследив за всеми моими действиями, развернулся и, торжественно вышагивая и высоко поднимая ноги, без дополнительного приглашения последовал за мной. Тетя Вера, удивленно уступая нам дорогу, стрельнула вдогонку журавлю:

– На парад собрался? Генерал с клювом! Смотри, как «вышагиват»! Демонстрация пернатая!

Походка журавля действительно немного напоминала походку офицера с достойной выправкой.

Мы с Журом уже вышли за порог лечебницы, но тетя Вера не унималась:

– Транспарантов вам не надо? А то я вона свою «трапку» и отдам, а мне у Наюба нову закажешь – энта вона уже совсем драна! (Ахунов Наюб Наюбович был нашим завскладом. Про него можно только заметить, что его имя и фамилия удивительным образом соответствовали той должности, которую он занимал.)

Озадаченные посетители, улыбаясь, наблюдали очень странную картину по аллеям зоопарка идет молодой человек в белом халате, а за ним по пятам торжественно вышагивает журавль.

Я вошел в вольер центрального озера. Жур следовал за мной неотступно. Подойдя к небольшой лодочке, что стояла на берегу, я спустил ее на воду и забрался на ее нос. Немного поколебавшись, он за мной залез в лодку. После первого гребка журавль, стоявший на своих длинных ногах, чуть было не кувыркнулся на воду и сразу присел, как раз на заднее сиденье. Несколько гребков – и лодка причалила к острову. Наше центральное озеро совсем маленькое, но очень уютное и с островком посередине, что придавало ему некоторую загадочность.

Я выбрался на остров и отправился искать укромное место, чтобы похоронить журавлиху. Журавль, неуклюже проскакав по дну раскачивающейся лодки, тоже выбрался на берег и, не отступая от меня ни на шаг, всюду следовал за мной.

Так, с ним, мы очень быстро нашли подходящее место.

Когда все было сделано, показав журавлю на холмик, я сказал:

– Вот здесь твоя подруга теперь будет всегда, стало быть, и тебе больше никуда не надо бегать. И это озеро, и этот остров – теперь твой дом.

Расчет на самом деле был простой. Перелететь с острова на берег журавль не сможет. Никто из длинноногих птиц после короткой ампутации летать даже особо и не пытался. А пешком водную преграду ему не преодолеть, так как озеро достаточно глубокое, а плавать он хоть и умеет, но неуклюже, не получая удовольствия от этого занятия.

Однако, пока я осторожно забирался в лодку, Жур проворно запрыгнул на свое место и сел, как ни в чем не бывало, будто мы такие прогулки совершаем каждый день. Честно говоря, я предполагал, что он там и останется. Но не тут-то было. Думая, каким калачом его выманить

обратно на остров, я сделал на лодке по озеру несколько кругов. Увидев аистов, мочивших пятки в озерной грязи – на берегу, я подумал, что на острове, в одиночестве, журавлю, может, будет и скучновато, и причалил возле его длинноногих хоть и дальних, но все же родственников.

– Журчик, смотри – они на тебя немножко похожи, может, ты с ними поживешь?

Я всегда на полном серьезе и очень искренне разговаривал с животными. Мало того, очень часто убеждался, что они понимают. Нет, я вас, конечно, не буду грузить никакой мистикой – то у меня с журавлем по-таджикски, то по-русски можно поговорить. Вовсе нет. Но я твердо уверен (и это подтверждает опыт), когда начинаешь разговаривать с животными, особенно в экстренных ситуациях, они очень быстро в ситуацию въезжают, и возникает некий диалог, который влечет за собой либо взаимопонимание, либо противостояние, в зависимости от того, каким образом предлагаются варианты развития событий с обеих сторон. Но вначале – слово.

Первый раз со мной это случилось, когда я еще ходил в детский садик. Шли мы как-то с бабушкой и старшим братом из детского сада домой. Возле троллейбусной остановки надо было переходить улицу. Мы ее всегда там переходили. В то время транспорта было не так много, как теперь, и в основном это были троллейбусы и автобусы да парочка фургонов, которые возили хлеб, молоко и всякие другие продукты. Были еще, конечно, грузовики и самосвалы, но те появлялись и вовсе редко. Поэтому дорогу в те времена можно было переходить, почти не глядя.

Бабушка, ухватив меня покрепче левой рукой, а брата – правой и, видать, о чем-то замечтавшись, шагнула на дорогу...

И тут вдруг – лошадь! И не просто лошадь. А громадная ЛОШАДЬ, да еще с телегой! И бежала эта самая лошадь прямо на нас. Я все же успел разглядеть, как она выглядит: очень красивая и длинная рыжая с золотой проседью грива и огромные лохматые копыта размером точно с мою голову. Мне почему-то показалось, что именно этим копытом я сейчас получу прямо по башке. И еще я успел, покрепче уцепившись за бабушку второй рукой, посмотреть лошади прямо в глаза. Наши взгляды встретились, и я понял, что лошадь меня тоже видит. Тут я и сказал:

– Здравствуй, лошадь!

Я ее совсем не испугался. Нет, то есть, конечно, сначала было испугался и, может, даже очень сильно. Но как только увидел ее добрые глаза – страха уже как не бывало. И бабушку я прихватил совсем не из страха, а для уверенности. До лошади оставалось метров пять-семь, но мы-то уже затормозили!

И вдруг лошадь мне ответила:

– Здравствуй, мальчик!

В ту самую секунду как мы с лошадью поздоровались, она тоже немножко затормозила, и мы сразу друг друга полюбили, и очень многое стало ясно! Я понял, что лошадь нам ничем не угрожает и ее совсем не надо бояться. Что она вовсе не страшная, а – красивая. А лошадь поняла, что мы ей уступаем дорогу. И была очень благодарна, потому что тормозить с такой громадной телегой ей было бы совсем тяжело и неудобно.

Но главное! Лошадь поняла, что я ее понял! И я тоже понял, что она меня понимает! И все это очень просто, и нет в этом ничего необычного.

Встряхнув золотистой гривой и благодарно покачивая головой, она процокала своими громадными копытищами мимо. А бабушка, крепко схватив нас за руки, замерла и, похоже, испугалась по-настоящему, но, чтобы не показать виду, как ни в чем не бывало, спросила меня:

– Сережа! Ты что, знаешь эту лошадь?

– Да, – скромно ответил я.

До сих пор очень хорошо помню этого громадного цыганского тяжеловоза, который научил меня говорить с животными и которого я, кажется, действительно знал всегда.

Мы продолжали сидеть в лодке, и я упорно объяснял журавлю, что аисты – его дальние родственники и что ему с ними будет совсем неплохо. А Жур продолжал сидеть напротив меня, какой-то совсем невнимательный, и стоящие неподалеку аисты его, похоже, совсем не интересовали.

Тем временем неподалеку от нас собралась довольно большая группа особо любопытных зрителей, которым, наверно, было очень интересно узнать, с какой стати журавли катаются в лодках. Было слышно, как одна из посетительниц, показывая в нашу сторону, объясняла своей дочурке:

– Этот дядя – доктор Айболит. А журавушка болеет. Доктор уговаривает его скушать лекарства, а журавушка не хочет. А чтоб журавушка согласился – доктор покатал его на лодке...

Выручила меня апа Нюра, которая появилась на берегу с ведром рыбы, нарубленной как раз для аистов:

– Дьжур! Катайса не. Кушат ходи!

Жур, услышав знакомый голос, выпрыгнул из лодки и, пританцовывая, побежал к Нюре. Она ему говорила что-то очень ласковое и кидала рыбу, которую он на лету ловил своим длинным клювом и, несколько раз подбросив, ловко затряхивал внутрь, непременно головой вперед. Я тем временем попытался объяснить Нюре, что если журавль пойдет опять гулять по зоопарку, то его надо будет уговорить вернуться на это озеро.

И бочком-бочком юркнул вон из вольера, оставив Нюру разбираться с журавлем. Нюра высыпала из ведра остатки рыбы аистам и, бросив журавлю по-русски: «Ай, сиди здес!» – развернулась и пошла из вольера, раскачивая длинной бахромой платка, повязанного вокруг головы.

Высота забора на центральном озере почти в два раза меньше, чем на дальнем, но журавль из вольера больше никуда не уходил.

Среди своих собратьев он вскоре стал равноправным членом стаи. Аисты сразу его приняли. Еще бы – он ведь совсем не был гадким утенком, а напротив – высокий, стройный, грациозный журавль-красавка!

Конечно, было видно, как первое время он крепко скучал: стоял часами, понурился голову, а иногда вдруг начинал беспокойно ходить по берегу, как бы пытаясь что-то разглядеть на острове, на котором осталась его подруга. Однако сам туда добраться так и не отважился. Для взлета ему не хватало места для разбега, а вплавь ему явно не хотелось. Утонуть он бы не утонул, но журавли пловцы никудышные. Они предпочитают купаться ровно до колена – наверное, чтоб перышки не замочить.

Однажды я не удержался и пригласил его прокатиться на лодке до острова. Но как я его ни уговаривал – Жур вежливо отказывался.

Когда мимо озера проходила его любимая апа Нюра, он ее приветствовал, радостно пританцовывая и хлопая крыльями. В обед она приносила аистам ведро рыбы и на ходу бросала своему любимцу самую красивую рыбешку. Журка ловко затряхивал ее в пищевод. Потом, пританцовывая, бегал вокруг Нюры, пока ведро не опустеет. И после этого иногда провожал ее до забора.

А как только похолодало, Жур переехал с аистами в зимнее помещение. И там, в довольно тесном помещении, жил с ними в полном согласии. Одним словом – прижился.

Однако история на этом не заканчивается.

Охота на вампира

После журавля-красавки жертвами ночного хищника стали еще три утки. Хищник появился ночью, примерно один раз в неделю. На этот раз он поохотился на другом, как мы его называли, – длинном озере, которое располагалось между аквариумом и террариумом. Ночные сторожа оказались бессильны что-либо предпринять; по их словам, зверек появлялся незаметно и ниоткуда, охотился быстро и тихо и так же незаметно исчезал. Кое-кто даже решил, что зверек живет в самом зоопарке и только ночью выходит поохотиться.

По этому поводу мы проверили все вольеры, в которых содержались мелкие хищники и грызуны. Все оказались на своих местах, сыты и, если иногда и пытались поковыряться в полу лелея надежду выбраться на свободу очень быстро оставляли эту затею, потому как пол во всех вольерах был цементный.

Вопрос с ночным хищником становился серьезным – налеты на зоопарк вошли у него в привычку. Оставалось одно – кому-то из специалистов выйти на ночное дежурство.

На случай несанкционированного выхода животных за пределы ограждений в каждом зоопарке имеется специальная бригада по задержанию беглецов. В бригаде есть и средства задержания – трезубцы, сети, повалы (повал – длинная, плоская, очень прочная брезентовая тесьма) и, наконец, винтовка, оснащенная летающими шприцами с обездвиживающими препаратами. Но такие винтовки имелись далеко не во всех зоопарках. У нас была самая обычная винтовка. А вместо летающих шприцов – ружейные патроны, которые в те времена еще было и не купить, и набивать их приходилось самому. Конечно, ружье разрешалось применять только в самых экстренных ситуациях, когда других возможностей водворить беглеца на постоянное место не находилось. Если на карту поставлены жизнь человека и жизнь животного, выбирать не приходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.